

ДМИТРИЙ ФАМИНСКИЙ

ХОЛОДОК ПРЕДЧУВСТВИЯ

По страницам книги Валерия Сдобнякова “В предчувствии Апокалипсиса”

Уверен, чем дальше мы будем уходить в исторической перспективе от нашего советского прошлого, тем настойчивее станем пытаться разобраться в нём, пытаюсь объективно оценить потерянное, понять, как допустили то невероятных размеров социально-политическое крушение, которое будто гигантской взрывной волной отбросило нас не на десятки – на сотни лет назад в государственном, державном строительстве. Буквально Божией милостью Россия удержалась на самом краю того страшного катаклизма, который неизбежно бы потряс до основания всё современное мироустройство, привёл бы его к апокалиптическому состоянию. Именно поэтому название новой книги известного русского публициста, главного редактора нижегородского литературного журнала “Вертикаль. XXI век” Валерия Сдобнякова “В предчувствии Апокалипсиса. Актуальные беседы на постсоветском пространстве” мне не кажется неким эмоциональным преувеличением или провокационным приёмом ради привлечения беспокойного читательского интереса.

Впервые я обратил внимание на тексты бесед Сдобнякова с адмиралом Игорем Касатоновым, экс-губернатором Амурской области Владимиром Полевановым, писателем Юрием Бондаревым, академиком живописи Виктором Калининим, другими писателями, художниками, политиками, учёными, когда они начали появляться на страницах центральных периодических изданий. Теперь, когда эти материалы собраны вместе, изданы отдельной книгой, я заново, уже не фрагментарно, а не отрываясь, подряд перечитал их и был поражён обилием интереснейшей информации. Я узнал множество не известных мне доселе фактов. Кажется, сам за всеми происходящими в нашей новейшей истории событиями следил, читал всевозможные материалы, относящиеся к ним, и вдруг такие откровения, высказанные Сдобнякову ещё в 2006 году адмиралом Игорем Владимировичем Касатоновым:

Игорь КАСАТОНОВ: Момент перевода флота под юрисдикцию Украины был рассчитан прекрасно – три округа ушли, Крым отдали, флаги украинские везде подняли. К СНГ Украина относилась с презрением. Но я действовал и 5 января 1992 года объявил Черноморский флот российским, что затем подтвердил в своём выступлении 9 января 1992 года Верховному Совету Украины. Надо сказать, что со стороны России по этому вопросу со мной никто не связывался, не давал каких-то распоряжений или инструкций, приказов. Во время конфиденциальной встречи с Евгением Марчуком в 1992 году на его вопрос, кто и какой карт-бланш мне дал, какой предел моих действий и полномочий, я отвечал, что предел моих действий – российский Черноморский

флот в Севастополе. Я был уверен в победе. Так что теперь уже никто и никогда не уведёт русский Черноморский флот из Севастополя, как, впрочем, и не отдаст Курильские острова. Что же касается того, как нам теперь строить свои взаимоотношения с Украиной, то пятнадцать лет общения показывают: нечего России тешить себя иллюзиями, что у нас могут быть какие-то особые, доверительные связи. Украина в этом сейчас не заинтересована. Потому и мы должны относиться к ней, как к любой другой стране, и строить свои межгосударственные отношения, как с любой другой страной. Конечно, это противоречит нашим взаимным культурным традициям. Но ничего не поделаешь, и решение всех вопросов макроэкономики – долги, цены на газ, нефть, бензин, взимание НДС – должно строиться на тех же основаниях, как с любой другой страной, экономическим партнёром России. Это пойдёт на пользу обоим нашим странам. Быстрее начнём искать точки соприкосновения.

Валерий СДОБНЯКОВ: *Как же вы смогли противостоять украинскому давлению на Севастополь?*

И. К.: Конечно, обстановка была крайне сложной и даже опасной для меня. Достаточно физически было устранить командующего флотом, и проблема была бы решена. Ведь, по сути, то, что я сделал, это был переворот, вывод из-под власти Украины огромной военной мощи. И я бы никогда не смог этого сделать, если бы не знал, не был уверен в том, что севастопольцы меня поддержат. Особенно, как это часто бывало в нашей истории, жёны наших моряков. Для Севастополя я был свой. Здесь командовал флотом мой отец. Здесь начинал службу и я сам. И хоть на десять лет затем уезжал на Север, но ведь всё равно затем вернулся в Севастополь... Я был свой среди своих. Люди верили мне, я верил в них, и потому вместе мы победили. К сожалению, от той победы многое затем было утрачено. Но это уже другой разговор.

В. С.: *Так значит, стратегическое значение флота для интересов России не утрачено?*

И. К.: Конечно, сейчас задачи его поскромнее, но также не менее важные и серьёзные. Черноморский флот ещё немало послужит России.

Собеседники чувствуют искреннюю заинтересованность Сдобнякова в стремлении разобраться, дойти до сути происходящих событий. В беседе с фронтовиком, лауреатом Государственной премии СССР Николаем Николаевым, связанным со строительством новейших наших истребителей МиГ-31, Валерий Сдобняков так обосновал цель проводимых им бесед:

Валерий СДОБНЯКОВ: *Секреты, Николай Степанович, меня не интересуют. О них можете не рассказывать.*

Николай НИКОЛАЕВ: Я и не расскажу...

В. С.: *Расспрашиваю же я вас для того, чтобы оставить нашим потомкам факты истории, которыми бы они могли в полной мере гордиться. Но не скрою и того, что мне известно, как и многим другим, – последний самолёт МиГ на вашем заводе был построен в 1992 году, а затем двадцать лет уникальное производство, светлейшие умы, золотые руки были задействованы лишь для того, чтобы отремонтировать и переоборудовать ранее созданные самолёты для Индии, Китая и других стран. Более того – мы помогли им построить собственные заводы, и они производят наши МиГи сами. Какие уж тут секреты! А вот вопрос, что же тогда за техника охраняет воздушные рубежи нашей Родины, не скрою, меня тревожит всё больше и больше. И почему это нынешнее руководство страны в то время, когда вокруг России непрерывно идут войны с применением самых новейших систем вооружения, не заказывает заводу строительство новых истребителей? Теряется уникальный научный, производственный потенциал, который, вы мне сейчас сами рассказали, даже в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны хранили и приумножали. Мне хочется, чтобы будущие поколения знали о том, что их отцы и деды создавали самые замечательные в мире самолёты, делали значимые для всего человечества научные открытия в тех самых зданиях, в которых сейчас размещены “торговые центры” (а по сути барахолки) по продаже низкокачественного зарубежного шмотья. В этих зданиях – бывших производственных цехах – работало уникальное оборудование, производились удивительные по своему качеству приборы, помогавшие нашим учёным исследовать глубины Мирового океана, изучать просторы вселенной. Всё это делали, об этом нам*

нужно повторять и повторять непрерывно, их отцы и деды. А иначе откуда у будущих поколений возьмётся гордость за свою страну, за свою нацию? Откуда возьмётся стремление возродить былую мощь и славу своей страны? Вот цель моих бесед с людьми, которые многое сделали для укрепления мощи и славы России. А секреты, если такие у нас ещё остались, если не все их успели подарить, передать, продать нашим геополитическим противникам, вы берегите... Нам сейчас кажется невозможным, но пройдёт время, и перед теми же китайцами и индийцами нам придётся доказывать, что МиГи – это наше русское изобретение, что мы первые их сконструировали и построили. Они присвоят им новые названия и объявят, что это их самолёты, они их изобрели. И на наши возражения и возмущения потребуют доказательства, что приоритет в этом вопросе принадлежит нам (это не мои фантазии, подобных примеров в истории уже достаточно), и что мы им на это ответим? Что мы не смогли раньше рассказать об этом, что всё это являлось секретом? Вон со Второй мировой войной так всё засекретили, что теперь и доказать не можем, что это мы держава-победительница, а не американцы, что это мы ценой невероятных потерь и страданий переломили хребет фашистам, а не “великая американская армия”... Только достоверные сведения помогут нам отстаивать правду, помогут нам самим поверить в собственные силы. Ко всему нужно подходить разумно, и о тех замечательных делах, которые вы совершили в своей жизни, надо успеть рассказать спокойно и с достоинством. Это необходимо для общего объективного понимания истории.

Да, именно чтобы сохранить для будущих поколений уникальные факты нашей политической, культурной, военной, научной жизни, писатель стал встречаться со своими собеседниками. И теперь, в том числе и благодаря Валерию Сдобнякову, нам есть на что опираться в своих оценках и размышлениях. И слава Богу, что, когда буквально жареный петух клюнул, в России наконец-то начали решать проблемы нашей обороны. Но насколько они глубоки, и удастся ли их решить так быстро, как нам хотелось бы, в каком действительно состоянии находится воздушная оборона рубежей России, мы узнаём из беседы с другим авиастроителем, тоже лауреатом Государственной премии СССР Рудольфом Петровичем Пацельтом.

Валерий СДОБНЯКОВ: Вы знаете, от того колоссального труда, который вкладывается в производство современных самолётов, просто дух захватывает. Сначала конструкторам надо придумать новую машину с совершенно иными тактико-боевыми характеристиками, затем произвести новые металлы, чтобы эти характеристики возможно было воплотить в жизнь, затем изобрести, как их сварить, затем придумать технологию сборки этих уникальных машин...

Рудольф ПАЦЕЛЬТ: В Советском Союзе был полный порядок, и далеко не всё на придумывание было отдано нам. Работали отраслевые институты, и в первую очередь, институт авиационной технологии и Всесоюзный институт авиационных материалов. Там создавали металлы, из которых делали новейшие модели самолётов. В том числе и тот металл, который держит температуру в 350 градусов. Это позволяло при двухсполовинной скорости звука летать неограниченно долгое время, которое позволял керосиновый запас.

В. С.: Я правильно вас понял: теперь уникальный металл найден, и наши самолёты могут достойно сражаться в небе с самыми современными самолётами противника?

Р. П.: Металл найден, но конструкция самолётов потеряна, их больше не строят. И наш конкурент в Советском Союзе по производству истребителей – фирма Сухова – на эту новейшую технологию не перешла.

В. С.: Как не перешла? Вы же сказали, что без неё наши машины не могут выходить на долгий сверхзвуковой полёт.

Р. П.: Нет, не перешла. Они строят самолёты, подобные МиГу-21... Это истребители фронтовой авиации, на которых можно повоевать в Чечне, в Грузии, в Афганистане, но с американцами на них воевать нельзя. А наши самолёты были предназначены для работы именно против американцев... МиГ-31 – это новая модификация МиГа-25 – по вооружению и по прочим боевым данным превышал возможности МиГа-25. Он мог одновременно следить за пятью целями, которые он обнаруживал на достаточно большом расстоянии от себя, и все их поражать своими ракетами. Во времена СССР у нас вдоль побережья

Ледовитого океана и Тихого океана на Дальнем Востоке с определённым промежуток располагались аэродромы, на которых базировались самолёты, находящиеся в состоянии постоянного боевого дежурства. Всё побережье они просматривали своими радиолокаторами, и если бы через Аляску в нашу сторону запустили ракеты, то они способны были ещё над Тихим океаном их уничтожить. Сейчас ничего этого нет. Остались только некоторые фрагменты от общей системы обороны.

Ну, какого читателя приведённые факты могут оставить равнодушным? Потому и считаю, что общественно-политическое значение книги Валерия Сдобнякова “В предчувствии Апокалипсиса” переоценить невозможно. А ведь подобных откровений под её кроваво-красной обложкой с репродукцией картины Виктора Калинина “Страж” собрано немало. Тут и воспоминания о годах репрессий писателя Александра Костина, и размышления о тех же годах жившего мальчишкой в лагере переселенцев в Архангельской области, теперь заслуженного художника РФ Кима Шихова. Оба очевидца дают во многом не совпадающие оценки одному и тому же времени. Это ещё раз доказывает, что невозможно в неких придуманных концепциях упрощённо оценивать сложные периоды истории нашего Отечества.

Вообще историческое пространство, отражённое в беседах Валерия Сдобнякова с очевидцами событий, простирается от 30-х годов прошлого века до наших дней. Это, повторюсь, уникальный материал для исследователей – политологов, историков, социологов, литературоведов.

Конечно, многие утверждения собеседников Сдобнякова дискуссионны, спорны. Но ведь от этого книга, по моему мнению, только выигрывает. Когда я её первый раз прочитал (для написания рецензии пришлось перечитать – столь трудно сразу было уложить весь материал в единую концепцию оценки), то содержание бесед мысленно тематически разбил на три основных раздела – политика, история, творчество. В такой разбивке, безусловно, присутствует большая доля условности, потому что беседы многогранны, тематически взаимопроникновенны. Зачастую в одном разговоре затрагиваются многие насущные проблемы как творчества, так и политики, истории, философии. Тут и разные оценки литературных событий (беседы с писателями Анатолием Парпарой, Анатолием Аврутиным, Олегом Шестинским, Николаем Рачковым), и политических (беседы с Игорем Касатоновым, Михаилом Кодиным, Сергеем Чепровым), и исторических (беседы с Виктором Калининным, Кимом Шиховым, Владимиром Цветковым). Да всех собеседников и тем, поднятых в разговорах, просто не перечислить. Но такая разбивка помогла мне сконцентрироваться в восприятии текстов.

В книге нет бесед “проходных”. Практически любая из них вызывает желание продолжения разговора, пробуждает чувство полемического азарта. Грешен, работая над рецензией, я поддался этому чувству, начал приводить свои доводы, опровержения, но вовремя остановился, поняв, что так мне придётся в ответ на книгу Сдобнякова писать свою. И тогда решил, что отдельно остановлюсь ещё только на беседах автора с нашим выдающимся писателем Юрием Бондаревым. Мне кажется, что они ключевые для цельного восприятия всей книги, показательны по уровню доверительности и открытости в оценках. Да и не случайно же автор именно заголовок одной из бесед с Юрием Бондаревым вынес в название книги.

Писатели встречались и подолгу беседовали несколько раз. В итоге опубликованы два больших текста.

Валерий СДОБНЯКОВ: Юрий Васильевич, я хотел бы вам задать в этой нашей с вами беседе далеко не радостные вопросы о страшных испытаниях, выпавших на долю нашей страны в прошедшем веке, да и в нынешнем тоже. Но... пусть мой первый вопрос будет о радостном – о вашем детстве, когда вы были совсем маленьким и даже не подозревали, какие испытания готовит вам жизнь. Вспомните о том далёком, но, может быть, самом счастливом дне.

Юрий БОНДАРЕВ: До сих пор ясно помню знойный полдень, июль, горячий песок обжигает пятки, Урал блещет, сверкает, как расплавленное серебро, он весь в фонтанах искр, в радужных брызгах купающихся, повсюду ликующий детский смех, радостные крики – воскресный день на сказочной реке,

куда мама привезла меня порезвиться на прибрежном песке и, конечно, в воде. Помню несказанное наслаждение барахтаться и кувыряться на мелководье, куда допускала меня мама, наблюдая за мной с берега. Я упирался ручонками в дно, бултыхал ногами, изображая плавание взрослых, и, ожидая одобрения, смеясь, смотрел на маму, следившую за мной счастливыми, порой тревожными глазами. Это был детский рай, где я подолгу играл с пескрями, пытаюсь поймать их ладонями, а они тёмными стрелками мелькали подо мной, их быстрые тени отражались на песчаном дне незабвенного Урала... Да было ли всё это? В каком столетии? Сколько было мне тогда лет? Года три?

В. С.: *А первый день на фронте как и чем вам запомнился?*

Ю. Б.: Мой первый день на фронте – это железный скрип снега под ногами, встречный ледяной ветер,жигающий до колючей боли лицо, почти срывающий с головы ушанку, одеревеневшие пальцы в рукавицах, ошпаривающее свирепым холодом железо нашего орудия. И первая ночь – подобие сна на снегу, на ветру, под горящими в косматых кругах сталинградскими звёздами в чёрном небе. Тогда мы были молоды, полны надежды и веры, и нами владело неисчезающее чувство: скорее, скорее на передовую! И было потом первое утро войны, когда в крошечном аду перемешались небо и земля, орудия и танки, неузнаваемые лица солдат и пикирующие “юнкерсы”.

Читатели знают, что тема войны – доминирующая в произведениях Юрия Бондарева. Опыт, что приобретён в горниле безжалостной кровопролитной битвы, – особенный и неповторимый. Думаю, именно этот опыт сыграл самую значимую роль в событиях нашей новейшей истории. Неспроста и писатели к нему возвращаются постоянно, пусть при этом говоря о политике или литературе – это неважно.

Валерий СДОБНЯКОВ: *В сегодняшнем мире происходят не только политические и социальные, но и невиданные ранее природные катаклизмы. Основы вроде бы стабильных и не самых бедных государств потрясают социальные взрывы. Ощущение неспокойствия, мятежности охватывает всех людей планеты: бьют по городам, всё разрушая и сметая на своём пути, огромные волны цунами; невиданная жара обрушивается на все континенты Земли; вспыхивают гигантские пожары, которые превращают в пепел города и сёла. И вот новое, трудно объяснимое бедствие: одновременно в нескольких странах Северной Африки вспыхивают бунты, народные волнения, больше напоминающие психоз. И во всех этих катаклизмах гибнет множество людей. Десятки и сотни тысяч. Появляются калеки, обездоленные и злые. Что же происходит с нами и с планетой? Как Вы, писатель, чей талант художника и мыслителя признан во всём мире, оцениваете происходящее? Насколько во всём этом виновато само человечество, и есть ли выход из создавшейся ситуации? Не отголоски ли это тех военных катаклизмов, что пережило человечество в XX веке?*

Ю. Б.: История – не сумасшедший бег, подгоняемый реформами, в некую страну обетованную, где царит блаженство неопишуемое и текут реки сладчайшие. Более того, когда желанная свобода, демократия, равенство и политика ускоренно превращаются в обещательно-расхожие лозунги нервных прогрессистов, всё становится лицемерием и появляется мысль: не приютившееся ли это под древними лозунгами и фразами лжебратство навязанной политики? Быстрота... Быстрота в изобретении атомного, биологического, геотектонического и прочего смертельного оружия не принесли человечеству ни мира, ни облегчения. Эта быстрота военной реализации напомнила, что каждому на земле приготовлен билет не в бессмертие, а в одноместное купе, и каждому готов плацкарт только туда – в скорбное направление, где уже нет ни любви, ни ненависти, ни красоты, ни безобразия, а останется только физическая пустота, уже никем на обугленной земле не познаваемая. Вспоминаю лихорадочную поспешность реформы армии, в том числе нашего главного сдерживающего вооружения – тяжёлых ракетных войск, затем сокращение офицерского корпуса, уже значительно сокращённого, затем прекращение набора курсантов в военные училища на ближайшие два года. На встречах в академиях и воинских учреждениях мне не раз говорили об этой странной, недальновидной политике, и тревожно возникали мысли о сверх меры опасном разоружении, если к этому присовокупить желание России вступить в НАТО, когда по статусу этой организации следует раскрыть секреты своего силового

потенциала. Надо думать, что если будет допущен ряд уступок, как это было в прошлых переговорах, и если ракетный арсенал России будет сокращён до удовлетворяющей “друзей” численности, то победителей в будущей войне не будет – одержит победу планетарный ужас человеческих жертв. Вот это и есть дьявольское торжество Апокалипсиса. Военным политикам России, познавшей сполна кровавые купели, надобно сомневаться на переговорах тысячу и один раз и через роковые “да” – “нет” и “нет” – “да” бесповоротно приходиться к мужественно взвешенному решению во имя жизни на земле.

И всё-таки, в десятый раз спрашиваю самого себя, оправдывает книга своё название или нет? Есть ли во всех этих разговорах предчувствие чего-то предапокалиптического, есть ли ощущение того, что блуждание не только наше, но и всего человечества может в недалёком времени завершиться предсказанным Иоанном Богословом событием? Вновь представим слово Юрию Бондареву.

Юрий БОНДАРЕВ: В политике (как и в литературе) даже выдающийся замысел – ещё не реализованный сюжет. Наиболее древние формы русского сознания – это духовность, справедливость, любовь, верность, религия, защита родной земли, своей колыбели. Это незаменимые путеводные ориентиры в любом замысле серьёзного политика. Поэтому в дни неудач и несчастий только душевное равновесие сохраняет волю и мужество. Нам в последние годы уже не однажды изменяло это ценнейшее качество – мужественное равновесие, совершенно необходимое для обдуманых стойких решений. В Библии сказано: три существа не оставляют следа – птица в воздухе, рыба в воде и женщина... Но в подлунном мире нет ничего непогрешимо абсолютного, кроме того, вписавший в святую книгу личную строку, надо думать, знал о женщинах нечто своё. Тем не менее, уже не сомневаясь, следует сказать, что в умах государственных мужей всевластно царит политика, прокладывая на земле несчастливый след... Повсюду, куда шагнула нога контуженного своей особой избранностью американца, упорно и кроваво внедряется американопопугайство, американоумислие, и интригами, заговорами, наконец, силой насаждается “диктатура демократии на вынос” в американской железно-пластиковой униформе, способной душить в объятиях “свободы”...

В. С.: *Значит, вы не верите в то, что идеи гуманизма, слово художника могут спасти современный мир? Вы не верите, что современная художественная культура способна нас вывести из тупика?*

Ю. Б.: Художественная культура переживает сейчас тяжёлую пору, ибо вседозволенность беспредельно царствует в так называемом художественном творчестве. Сама правда изображается вкось, ложь без малейшего стеснения играет на подмостках жизни роль правды, грязная аморальность с наглостью надевает на себя чистые одежды морали; пошлый натурализм, скабрёзность, бессовестная порнография властвуют на телевидении, в кинематографе, на книжном рынке, выдавая себя за современную культуру. Но всему бывает конец, и, как говорили древние, одна волна уничтожает другую, а ветер меняет направление... Но когда?..

Главное ощущение от прочитанной книги – чувство огромной потери. И не только материальной. Страшнее потеря глубинных жизненных ориентиров, которыми жил наш народ и которые сейчас выбили у него из души. Потеря тех векторов, ориентируясь по которым мы могли смело прокладывать свой будущий путь в мировой истории, видеть перспективу впереди. И то, что в книге трезво оцениваются большие, неприятные для общественного сознания вопросы, – это её несомненное достоинство.

Когда я делился своими впечатлениями о книге Валерия Сдобнякова с думающими людьми, то зачастую слышал возражения: “Ну, какой Апокалипсис! Россия возрождается, Крым себе вернула”. При этом все приводили факты, которые они узнали только благодаря прочтению книги “В предчувствии Апокалипсиса”. Что ж, и этого в книге довольно. Но мне всё-таки очень хочется, чтобы мы никогда не забывали о главном. История даёт нам один шанс за другим для нашего исправления и вразумления. Но есть ли у нас уверенность, что так будет продолжаться до бесконечности...

И когда мы себе с полной, глубокой откровенностью зададим такой вопрос, то невольно почувствуем еле различимый холодок за спиной. Холодок некоего недоброго предчувствия...